

Ж

енька — парень двадцати одного года. Высокий, плечистый и лицом красивый. У него и невеста есть. Ася. Живет она через пять домов от Женькиного. А Гвоздь — фамилия Женькина, не прозвище. Село, где они живут, называется Верхняя слобода. Почему именно Верхняя, никто по сей день не знает.

Женька с детства увлекался фантастикой. Да не просто фантастикой, а пришельцами с других планет. Об этом перечитал все книги в своей сельской библиотеке, в библиотеках близлежащих деревень, даже до районной добрался. Диски с фильмами на эту тему покупал стопками.

Стояла поздняя весна. Уже не один год к этому времени Женька выселял себя из дома в сад, в хатку. Жил в ней до холодов. Армия для парня — в прошлом. Она не оправдала его надежд. Не попал, куда желал. Бог не обидел Женьку здоровьем. В военкомате во время призывной комиссии он просился направить его в космические войска или, в крайнем случае, в ракетные. В них и зачислили. Отслужил. Демобилизовавшись, работает у местного фермера.

Ася — частый и желанный гость в хатке Женьки. У них обоюдная и крепкая любовь, завязавшаяся со школьной скамьи. Ася в городе учится на модельера женского пошива. Увлекалась швейным делом с детства. Отец купил ей швейную машинку, когда училась в девятом классе. Ася мечтала стать не просто модельером, а настоящим мастером этой тонкой профессии, участвовать на подиумах в Москве, а если повезет, то и за границей. Собиралась послать лучшее из своих работ мэтрам — Юдашкину или Зайцеву. Увы, пока мечты так и остались мечтами...

И вот как-то пришла Женьки в голову мысль: «Надо шить костюм инопланетянина! В этом мне поможет Ася». Была найдена модель в одном из иностранных глянцевого журналов. Женька его давно купил в городе. Одно плохо: Женька в школе учил немецкий язык, а в журнале текст на каком-то неизвестном. Вечером, поскольку у Аси были каникулы, влюбленные встретились вновь в хатке. Женька с жаром поведал подруге о своем плане, показал фото в журнале и попросил сшить ему костюм инопланетянина. Ася долго рассматривала фотографию, прикидывая, как ее воплотить в жизнь. В конце концов, согласилась.

— Хорошо, Жень. Я займусь этим. — Вдруг поинтересовалась: — А зачем тебе такой костюм?

— Пощеголять хочу, — скрыл выдумщик истинную причину.

— Где?

Женька не мог дальше обманывать любимую девушку и раскрыл свой секрет. После его рассказа Ася тоже загорелась его идеей.

— А где взять материал? — спросила она.

— Это моя проблема, — ответил он, довольный ее согласием.

Женька съездил за материей в областной центр. Там, хоть и с большим трудом — исколесил весь город, — но достал нужное. Материя при солнце серая, с желтоватым оттенком, а без солнца — светло-серая. Довольный успехом, вернулся домой сияющий.

— Видишь? — спросил Асю, показывая покупку. — Цвет точно, как и на фото в журнале. Бери, шей костюм.

Через неделю костюм инопланетянина был готов. Женька примерял его в присутствии Аси, как в настоящей примерочной: перед большим зеркалом.

— Отлично получилось! — обрадовался он и поцеловал мастерицу в губы. Она, счастливая вдвойне, засияла от поцелуя.

— Что теперь? — спросила она.

— Теперь скафандр!..

Его делал Женька сам, с большим трудом, но цели добился.

— Ну, как? — уже в полной экипировке, спросил он девушку.

— В общем превосходно, — ответила Ася. — Но кое-что следует подправить немножко.

— Давай, — согласился он.

Устранили неполадки. Инопланетянин был полностью готов перед выходом в свет. Точнее, на окраину села, где Женька решил подловить Ваську Белкина, который часто бегал в шинок Маньки за самогоном.

— Действуй, Гвоздь-Инопланетянин! — засмеялась Ася, а потом и он. Насмеявшись, она серьезно добавила: — Но не перестарайся.

Когда стемнело, Женька в таком наряде пришел на окраину села и стал поджидать Ваську. Ждать пришлось довольно долго. И вот объект ожидания объявился на горизонте. В селе его звали просто: Степаныч. Алкаш высшей марки. Забуддыга, как и обычно, спешил в шинок к Мань-

ке. Ее дом Степаныч не миновал ни днем, ни ночью. Шинкарка ему не отказывала в самогоне. И поскольку деньги у Белкина водились редко, она вела запись долгов.

...Не дойдя до шинка, у куста, за которым прятался инопланетянин Женька, Белкин остановился, оправился и в этот момент почувствовал на плече чью-то тяжелую руку. Обернулся и... рухнул на колени, бормоча невнятное:

— Ма-ма-мочь, тво-ять, ма-ть... Ин-но-пла-не-тя-нин, бо-ог ты мой! — И вдруг затараторил: — Мать твою!.. Ка-ак? Откедава тебя принесло?! — и дальше залепетал бессмысленные слова.

Гвоздь изменив голос, заговорил, как робот:

— Я... Гражданин планеты Икс...

Белкину за сорок лет. Мужик крупный. С испугу трезвый стал как стеклышко. Нашел силы в себе силы и спросил:

— С планеты? С какой?

— С планеты Икс, — заговорил снова роботовским голосом Гвоздь. — Мы владеем всеми языками Земли. Русским, английским, французским, немецким... Мы можем делать все, что вы делаете здесь...

Белкин приятно удивился, что пришлось встретиться с инопланетянином. Старался держать себя в руках. Осмелев, спросил:

— А с этим как там у вас?

— С чем?

— С водочкой, с самогончиком.

— Строго у нас, не то, что у вас на Земле. Я знаю все. Ты землянин. Васька. Отчество — Степанович. Фамилия — Белкин. Любишь спиртное больше всего на свете. Потому зовут тебя Алкаш. И я готов тебя, Степаныч...

Белкин задрожал, выкатил глазища на лоб. Простонал:

— Убить?

— ...забрать на мою планету, — продолжал «пришелец».

— Не надо, товарищ... господин инопланетянин! — взмолился Белкин. — Я теперь никогда и в рот не возьму... Господи! Поверь мне! Слово даю! — На глазах его выступили слезы. Он забубнил одно и то же: — Слово даю! В рот не возьму! Вот зуб отдам!

— Зачем мне твой ржавый, нечищенный, запущенный зуб?

В этот момент неподалеку громко залаяла собака, и кто-то громко вскрикнул. Белкин оглянулся на эти звуки. Когда же повернулся обратно, «инопланетянина» уже не было. Оглядевшись вокруг, стал неистово креститься:

— Господи, почудилось что ли? Да нет. Нет, наяву с мистером с планеты Икс разговаривал. Разговаривал! — кричал Белкин во всю глотку на бегу...

Утром вся Верхняя слобода уже знала о встрече алкаша Степаныча с инопланетянином. И многие оценили эту встречу по-своему: дескать, у Белкина «белочка»! Белая горячка, то есть. И говаривал он с ней, а не с каким-то инопланетянином. Даже друг спросил его напрямую:

— У тебя, друган, та?.. Тебя «белка» стеганула?

Обиделся Васька. Вечером отправился в шинок за самогоном. Идет к Манькиному дому, озирается. А ту акацию, возле которой с инопланетянином встретился, стороной обошел. Шинкарка тоже знала о той встрече. И прямо у порога, встречая постоянного клиента, сказала:

— Ну, ты, Василий, горазд на выдумки!

Сели они за стол. Выпили, ляды поточили. А за окном уже темень. Белкин и не собирается уходить. Намекает Маруське, мол, ночевать с ней остаться не против. Поняла тот намек она или нет, только вдруг встала из-за стола и говорит:

— Пора, Васька, до дому тебе. Вставай, иди.

— А Он?! — испуганно спросил Белкин.

— Кто?

— Инопланетянин этот. Он же сцапает меня и на свою планету отпрет. Потому как я ему слово дал: больше в рот не брать спиртного.

Манька подбоченилась, с ехидцей посмотрела на захмелевшего.

— Косишь? Иди, покуда я сама тебя на ту планету не отправила! Иль, может быть, ты со мною спать ляжешь?

Страшно идти ночью домой Белкину: заберет ведь инопланетянин. Заранее прощается мысленно: «Прощайте, земля моя, жена. Детишки, мать-старушка, Верхняя слобода!» И просит Маньку:

— Не с тобой, я лягу у порожка.

— Нет, — категорически отказала хозяйка шинка.

Волей-неволей пришлось идти подвыпившему Белкину домой. Постоял-постоял он у Манькиного дома и как пустился бежать!

Наступило утро в Верхней слободе, а с ним и новая история с пришельцем. Его вторым объектом оказался сторож складов фермера Князева — Яшка Спиридонов. В эту ночь он до утра не досторожил. После встречи на рассвете с мистером Икс явился домой ни живой, ни мертвый. Фермер Князев с Яшкиной женой сразу заявил о происшедшем участковому. Он пришел к Яшке и тот рассказал милиционеру все. Как он, обходя склады, неожиданно столкнулся с инопланетянином. Как только пришелец сказал на чисто русском языке, что прилетел с другой планеты, Яшка упал в обморок. А как только пришел в себя, кинулся бежать с поста и отказался охранять склады.

«Кто-то шутит так», — подумал участковый, покидая дом Спиридоновых, хотя и сам почти поверил в аномальное явление. Теперь все село уверовало в существование пришельца. Только Манька-шинка не верила. Она вообще не верила ни в бога, ни в черта. Даже заявила где-то смело и категорично:

— Брехня это! Пусть ко мне приходит этот инопланетянин...

Женьке пришлось прекратить похождения, ибо началась настоящая охота за пришельцем. Наехали телевизионщики, газетчики. Пришелец больше не появлялся в селе, но теплилась надежда поймать существо с другой планеты...

Пришла золотая осень — пора свадеб. Состоялась свадьба и у Женьки с Асей. Изрядно поддатый Белкин оказался в хатке. Там и уснул. А когда проснулся, заметил в углу плохо прикрытый старой курткой наряд пришельца. Удивился, но потом смекнул, что к чему. Надел наряд. «Ну, Гвоздь! — сказал, — А я поверил в пришельца и чуть не бросил выпивать. Манька молодец! Ни во что не верит. И правильно, — заключил он и в наряде инопланетянина вышел из хатки к гулявшим на свадьбе...

21 ДЕКАБРЯ 2012 ГОДА. КОНЕЦ СВЕТА...

Этот обыденный короткий зимний день ничем бы не отличался от других, если б не предсказание индейцев майя о том, что он станет последним. Вещала желтая и иная пресса, не молчали радио и телеприемники. Как тут не поверить в пресловутый надвигающийся конец света? На многих, особенно наивных, пресса давит, как компрессор, накачивая колеса, вселяя тревогу и страх в души. Люди, разные по складу ума, натуре и характеру, все принимают по-своему. Кому-то просто наплевать, а кто-то верит в это серьезно и даже ждет, предвидя конец света, готовится к нему, но разве можно быть готовым... к концу света! А некоторые думают: умирать одним скопом — это не страшно, зная, что завтра уже никого не будет.

Федор Федорович Зверев, которому уже за пятьдесят, в это утро встал как обычно. В доме был он один. Жены нет, она уехала в район к дочерям. Как любой сельский житель, он первым долгом оделся и вышел во двор. Пошел накормить в сарай кур и коз. Насыпал зерна, бросил два совка снега курам. Дал козам сено, напоил комнатной водой, зашел в дом. Отключил в сарае свет, натаскал дров, принес угля и затопил печь. После стал завтракать. Он в эти минуты вовсе не думал ни о каком конце света. Позавтракал, включил телевизор — и на диван, стал переключать, ища на каналах что-нибудь интересное. Остановился на передаче, где сообщали о земной катастрофе, надвигающемся конце света, до которого остались считанные часы. Федор Федорович не был мнительным, но почему-то сразу же поверил в то, о чем говорили в телевизоре. Он внимательно слушал и смотрел на экран, и просто не мог не верить. Ведь заявляют прямо, да еще на всю страну! До конца света остались не часы, всего полчаса, считанные минуты, и на земле должно что-то произойти. Будьте готовы!

У Федора Федоровича окаменели ноги и опустились руки. Он подошел к окну, сдвинул шторы, глянул в промерзлое стекло, но там, за окном, рассветло, начался обычный день, и ничто конца света не предвещало.

С тревогой отошел от окна, бросил грустный взгляд по комнате, сделал несколько шагов и подумал: «Умирать буду один». Посмотрел на часы. Оставалось двадцать минут.

«Жаль, и выходит зря... — рассуждал он, — зря мы с женой прожили всю жизнь... А дети, внуки... Жаль! Вот так одному умереть, никого не увидеть!..»

Нина Семеновна, жена... Она всю жизнь прожила с Федором Федоровичем в уважении и любви. Двоих дочерей вырастили. Старшая — Лена, младшая — Галя. Работала Нина Семеновна после окончания техникума в библиотеке соседней деревни Гомзяки, что через реку Польной Воронез. Федор Федорович — свиномаром на СТФ отделения совхоза «Восход».

В этот «несчастный», думал он, день Нина находится у Лены. Нет, вчера была, теперь должна быть у Гали. Федор Федорович взял с комода мобильный, который ему подарила Галя на день рождения, и стал набирать номер жены, на всякий случай, чтоб проститься с Ниной, детьми и внучатами.

Телефон зазвонил в кармане халата Нины Семеновны. Она только что вернулась из детсада «Солнце», куда отвела внука. Стояла у газовой плиты перед закипающим чайником. Она взяла телефон:

— Алло.

Раздался взволнованный голос мужа, он говорил встревоженно, как будто что-то случилось или вот-вот должно произойти. Она разволновалась.

— Говори толком, что? Федя я не пойму!

Он успокаивал ее:

— Ничего, Нина. Дома все хорошо... но должно произойти.

Теперь она и вовсе ничего не поняла, а разволновалась еще сильнее.

— Что случилось? Говори ты толком!

— Не волнуйся.

— А что тогда, Федя? Ты заболел?

— Нина, вот что... Звоню попрощаться с тобой, с детьми, с внуками.

Сейчас обзванивать их буду.

— На какой случай? — не понимала она еще больше.

— А ты что, не знаешь?! Конец света! По телевизору только что сказали!

— Ты, Федя, и детям звонил?

— Пока нет. Думаешь, не надо? — спросил он.

— Нет, Федя, я ничего не думаю, а звонить никому не надо.

— Двадцать секунд, Нина, осталось и все — конец!

— Да будет тебе, Федя, какой конец. Шарлатанство!

— Нет, правда, вдруг!

— Не чуди.

— Говорили по телевизору.

— По телевизору, знаешь, и кур доят, что угодно говорят.

— А как же?

— А вот так. Жди меня, я с последним приеду. Пока! Только детям не звони!

— А вдруг!

— Вот что, Федор, лапшу с ушей сбрось!

Но и после звонка Федор Федорович не успокоился и считал последние секунды до катастрофы. Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, две, одна, ноль...

А конца света все не было.

РАССКАЗ БАБУШКИ ДАРЬИ

Девяностопятилетняя старуха Дарья Михайловна Сухова сидит в своем доме у окна и смотрит в пасмурное, мокрое от ненастья окно с каким-то неведомым восторгом. Лицо ее задумчиво. День осенний, заунывный, дождь с ветром, прохладным и колючим.

Кружит листопад. Разноцветный ковер расстелила перед окном осень. Дождь косой, бьет в стекло. Бежит по стеклам слезой.

Лицо Дарьи Михайловны с глубокими морщинками, косыми складками вьёвшимися в кожу. Тусклые карие глаза ввалились в глазницы и вовсе не блестят жизнью. Щеки впали в беззубый рот, а нос ее, большой и острый, стал до того горбатым, что вот-вот коснется верхней губы.

Она практически неподвижна в своей позе и ни слова не говорит — ну прямо баба-яга из русской народной сказки. Я сижу от нее невдалеке на жесткой, выкрашенной в коричневый цвет табуретке и все время смотрю в ее сторону. Только что принес ей два ведра воды.

Топится печь, потрескивают сосновые поленья, а на плите пыхтит чайник. На дворе двадцать первый век, а у Дарьи Михайловны в доме словно остановилось время...

Тут она вздохнула и, шевеля губами, заговорила. Начала рассказывать свою историю, похожую на мистический рассказ.

— Казалось бы, чего тут, — произнесла она, словно уверяя в том, что говорит сушную правду, — умер человек, и что? Умирают и рождаются на земле каждую секунду. Умер у меня муж, много уж лет прошло. Не болел, царствие ему небесное. Забыть не могу. Уж что после было... Мужа моего первого не знаешь? Да и откуда? Тебя-то и на свете не было, Алексеем его звали, вроде как божье имя, светлое, но, видно, не таким был мой Алексей, — она сделала выжидательную паузу, смотря на меня, а потом продолжила: — Душу, видно, продал когда-то нечистой силе, а я, сколько лет с ним жила, и не замечала. Схоронила. Девять дней — помянула. А тут в одну из ночей разбудил меня среди ночи стук, слышу шаги на кухне, ходит кто-то, топчется. Отчетливо слышу, ну а потом посудой греметь начал. Я думала, кот лазает, ругаться начала. А в ответ услышала голос покойного: «Что брыскаешь!» Сердце мое екнуло и замерло от страха. Встала я с трудом, к выключателю только подошла, и снова его голос из темноты: «Света, Дарья, не надо!»

— Почему?

— Не надо, — говорит. — А вот свечку зажги!

Тут я вовсе ни живая, ни мертвая. Нашла впотьмах свечку в ящике столика. В доме глаз коли. Зажгла, держу в руке, огонек слабый, шаткий осветил. За столом Алексей сидит, на меня смотрит, живой, в руке ложка у него. Тогда ложки-то в деревнях все больше деревянные были.

— Лешенька, — говорю, — соколик ты мой, как же так, ты же умер!

А он мне:

— Есть хочу, Дарья!

Я удивилась:

— Как же так? Мертвый и хочешь?

— А вот так, — отвечает. — Отпустили меня, я и пришел!

В страхе нашла в себе силы:

— А разве отпускают?

— Меня вот отпустили.

И вижу — довольный он моими расспросами.

— Ладно, Дарья, давай корми, голодный я с тех пор, как ушел из этого дома, во рту росинки маковой не было.

Только я хотела рот раскрыть, а он мне:

— Нас там совсем не кормили, а вот мы каждый день кормим...

— Кого же вы там кормите?

Не ответил, заторопился:

— Мне уже пора...

— А поесть?

— В следующий раз!

Стою, словно ноги в пол вросли, не могу пошевелить ими, а самой из любопытства хочется спросить, кого же там кормят, набралась смелости. Голос его уже издали, но все же ответил:

— Ах, глупая ты баба, Дарья... — И совсем тихо, исчезая: — Червей, червей...

До первых петухов, не выключая света и не сомкнув глаз, на койке просидела. За ночь с лица сошла, а в обед соседка пришла. Увидела меня — остолбенела.

— Что же с тобой, Дарья? Не захворала ли?

Я ей рассказала все — та не поверила. Ушла, а потом мужа своего Василия привела.

— Тоскуешь, — говорит он, — вот тебе и привиделось.

— Нет, Василий, не тоска то была, а приходил наяву. И еще прийти обещался.

Сосед глаза остановил.

— Как так? — говорит.

Перекрестилась я.

Василий будто поверил и сказал серьезно:

— Надо кол осиновый. И на кладбище до двенадцати ночи успеть в могилу вбить, да так, чтоб острие до сердца сатаны дошло.

Сходил Василий в осинник, срубил хороший кол. Заострил на конце и ушел на кладбище, а ночь-то темная, и топор с собой захватил.

Кругом ветер гуляет, деревья шумят. Фонарик включил, на могильный холм направил и давай топором по колышку долбить — загоняет. Филин закричал. Испугался он, про топор забыл — и бежать. За кресты задевает. Натерпелся страху, покуда добежал до дома. А я в надежде была. Время за полночь. Думаю, не придет теперь. Взяла и легла. Только глаза-то закрыла, слышу — подошел, стоит возле кровати. Глаза-то боюсь открыть, а открыла. Лица не вижу, а силуэт различаю.

— Убить меня хотела? — заговорил он, да так спокойно. — Зажги свечку.

Встала, зажгла. Думаю — конец. Кол в груди у него торчит, а ни кровинки. Вид обыкновенный, как той ночью. И продолжает:

— Видел Ваську, все видел. Старался он. Чуть-чуть осталось, да филин спугнул, топор оставил на могиле, вот он, — и из-за спины достает его.

— Бери, — говорит он, — мне к Ваське нельзя. Передай: пусть больше не приходит.

Тут я набралась смелости:

— Не мучай, забирай, раз вновь пришел. Ведь за этим пришел.

Вижу — он по сторонам смотрит, оглядывается.

— Ну?

— Нет, — Дарья, — отвечает он, — не хочу того...

И вижу, слезы у него покатались, сказать что-то хочет, но как будто боится кого и опять по сторонам смотрит.

— Как же так? — говорю.

— Один я сегодня, не бойся, а слушай. Велели мне тебя со света свети, да так, чтобы ты сама на себя руки наложила. Сходи в церковь, отмоли мои грехи, свечи поставь. И пусть батюшка молитвами душу мою грешную с земли в небеса проводит.

Не успела я и рта раскрыть — Алексея нет.

А топор на полу лежит.

Сходила в церковь, сделала, как просил.

С тех пор и перестал он ходить. Видно, душу его грешную очистили молитвами, и улетела она на небеса.

Дарья Михайловна как начала со вздоха, так вздохом и закончила, давая мне понять, что поведала правду, хочешь — верь, а хочешь — нет.

Заворочалась и продолжила:

— Слово-то божье — оно в молитве. Если читать молитву с верой, то Бог, он непременно услышит.

Я подумал: «Не может быть такого, и нельзя в такое поверить». А старуха смотрела куда-то глубоко-глубоко, заглядывая в мокрое стекло, и о чем-то думала.